

Вискалин Александр Викторович

КОНТАКТЫ ЛЕСОСТЕПНОГО И СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ НАЧАЛЬНОЙ ПОРЫ НЕОЛИТА

На керамике елшанской культуры автором впервые выделена группа черт, свидетельствующих об устойчивых контактах населения лесостепного и степного Поволжья и Северного Прикаспия в начальную пору неолита. Анализ ландшафтно-климатической ситуации и радиоуглеродной хронологии позволяет датировать эти контакты последней четвертью VI тыс. до н.э. Полученные наблюдения уточняют имеющиеся представления о неолитизации лесостепного и степного Поволжья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 39-43. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 902.01+903.23

Исторические науки и археология

На керамике елшанской культуры автором впервые выделена группа черт, свидетельствующих об устойчивых контактах населения лесостепного и степного Поволжья и Северного Прикаспия в начальную пору неолита. Анализ ландшафтно-климатической ситуации и радиоуглеродной хронологии позволяет датировать эти контакты последней четвертью VI тыс. до н.э. Полученные наблюдения уточняют имеющиеся представления о неолитизации лесостепного и степного Поволжья.

Ключевые слова и фразы: ранний неолит; Нижнее и Среднее Поволжье; межкультурные контакты; елшанская и каиршакская культуры.

Вискалин Александр Викторович, к.и.н., доцент
Ульяновский государственный университет
alvisk@mail.ru

КОНТАКТЫ ЛЕСОСТЕПНОГО И СТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ НАЧАЛЬНОЙ ПОРЫ НЕОЛИТА[©]

Степные районы Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия в самом начале неолита занимает население, оставившее после себя комплексы типологически сходной прочерченно-накольчатой керамики каиршакского типа, наиболее ярко представленные на поселениях Каиршак I и III, нижние слои Варфоломеевки и Джангара. Лепная каиршакская посуда изготовлена из илов с примесью речной раковины и органики. Сосуды баночной и профилированной формы имеют плоские днища. На туловище отдельных сосудов удается проследить ребро, придающее им биконические очертания. Украшает посуду нарядный геометризованный орнамент из прочерченных линий и разреженных наколов. Среди орнаментальных композиций встречаются ряды горизонтальных и наклонных линий, меандры, прямоугольники, треугольники, ромбы, зигзаги, ленты с точечным заполнением и «бахромой» из наколов.

Сложение каиршакского неолита по некалиброванным данным, радиоуглеродным данным образцов древесного угля и костей из неолитического слоя стоянки Каиршак III происходит в конце VI – начале V тыс. до н.э. (6950±190 – ГИН-5905 (низ почвы); 6720±80 – ГИН-5927 (верх почвы)). По данным климатологов в это время в Северном Прикаспии устанавливается относительно благоприятный климатический период, сопровождающийся увеличением влажности и тепла [11, с. 30]. Однако полученные позже многочисленные радиоуглеродные даты по керамике и раковинам начало неолита Северного Прикаспия сдвигают в первую четверть VI тыс. до н.э., практически к самому началу атлантического периода [8, с. 239]. В результате образуются «ножницы» в I тыс. лет между датами по керамике и углю.

Столь существенное удревнение радиоуглеродной хронологии каиршакской культуры может быть вызвано свойствами материала, используемого для радиоуглеродного анализа. Илесто-глинистое сырье для лепки посуды едва ли добывалось в прибрежной части реки или озера, поросшего камышом и другой водной растительностью. Более технологичным является забор илесто-глинистой массы непосредственно из берегового обнажения, позволяющий контролировать пластичные свойства и состав сырья. Поскольку нужное по качеству глинистое сырье может залегать в любой части берегового разреза, то наблюдаемый разброс дат и их общее отклонение «вглубь» при таком способе получения сырья – явление вполне неизбежное. Удревняющее действие «бассейнового эффекта» нельзя исключить и при радиоуглеродной датировке по образцам раковин речных моллюсков.

В силу чего даты по углю и кости представляются более корректными, что подтверждает радиоуглеродная хронология сходных с каиршакскими комплексов прочерченно-накольчатой керамикой степной полосы Восточной Европы и Западной Сибири: третий слой Варфоломеевки (6980±200 л.н.) [24, с. 146], нижний слой Джангара (6870±130 л.н.) [12, с. 249-252], 15-12 слои Ракушечного Яра (7040±100; 6930±100; 6825±100) [3, с. 17], памятники сумпаньского типа Западной Сибири [14, с. 85], ранние этапы сурской и буго-днестровской культур [13, с. 96, 103]. Вся совокупность приведенных выше данных указывает, что сложение ранненеолитических комплексов накольчато-прочерченной керамики каиршакского типа Северного Прикаспия происходит не раньше середины VI тыс. до н.э. Это не должно удивлять, поскольку переход к стадии керамического неолита в Северной Месопотамии по радиоуглеродным данным происходит также около середины VI тыс. до н.э. [2, с. 314].

Начать отсчет каиршакского неолита с самого рубежа бореального и атлантического периодов, по примеру А. А. Выборнова [8, с. 207], не позволяет и анализ ландшафтно-климатической ситуации того времени. В конце бореального периода в Северо-Прикаспийской низменности под влиянием холодного и засушливого климата распространяется северная пустыня, сменявшая развитые здесь прежде лесостепные ландшафты. Повсеместное перекрытие эоловыми песками почвенных отложений бореального периода свидетельствует о сильном развитии в это время дефляционных процессов [15, с. 47]. Наступление атлантического периода около 7900 л.н. приносит с собой увлажнение, сопровождаемое в аридных районах Восточной Европы и Средней Азии, по мнению Н. А. Хотинского, даже некоторым похолоданием [23, с. 13], в результате чего

ландшафтно-климатическая обстановка Северного Прикаспия начинает постепенно восстанавливаться: затухают эоловые процессы и на склонах песчаных барханов формируются маломощные степные почвы, к которым приурочены слои неолитических стоянок [15, с. 50-51]. Важно отметить, что заметных результатов почвообразовательные процессы едва ли могли достигнуть ранее последней четверти VI тыс. до н.э. [10, с. 97]. Первые же столетия атлантического периода ландшафтно-климатические изменения, скорее всего, еще не столь заметны, и в аридных областях Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия сохраняется неблагоприятная для жизни животных и людей аридная обстановка [15, с. 50].

По мнению А. А. Выборнова, сложение раннего неолита каиршаковского типа является результатом развития местного мезолитического населения сероглазовской культуры, на что указывает сходство позднемезолитического и раннеолитического каменного инвентаря. Появление первой глиняной посуды в северо-прикаспийском регионе исследователь связывает с влиянием Кавказа и Закавказья [8, с. 207]. Принимая данную гипотезу в общих чертах, все же следует сделать несколько уточнений.

На Кавказе по сей день не обнаружены прототипы прочерченно-накольчатой керамики каиршаковского типа. Уникальное по своему научному значению Чохское поселение горного Дагестана содержит почти исключительно неорнаментированную посуду [1, с. 127-131]. Зато аналогии каиршаковской керамике можно обнаружить южнее Кавказа в раннем неолите Анатолии и Северной Месопотамии, где отмечается широкое распространение плоскодонных биконических сосудов баночной и горшковидной формы, орнаментированных прочерченными линиями и редкими наколами в каиршаковской манере [2, с. 138-140, 162, 167-171; 17, с. 69; 25, р. 178; 26, р. 12].

Говоря о параллелях в форме и орнаментации глиняной посуды Северного Прикаспия и Закавказья, нельзя не отметить, что ближневосточные черты на каиршаковской керамике проступают как бы в ослабленном виде: биконические сосуды редки и присутствуют не на всех памятниках, менее разнообразны формы и орнаментальные композиции. По всей видимости, речь должна идти не о прямой миграции ближневосточного населения в Северный Прикаспий, а о заимствовании местным населением навыков и технологии керамического производства при посредническом влиянии занимающего промежуточное положение Кавказского региона.

Однако роль кавказского населения в становлении раннего неолита Северного Прикаспия едва ли ограничивается только передачей ближневосточных керамических технологий. Имеющиеся косвенные данные позволяют предположить и его непосредственное участие в процессе освоения северо-прикаспийской низменности. Согласно упомянутым выше палеоклиматическим данным, в конце бореального периода происходит гипераридизация климата, способствующая развитию эоловых процессов и превращению территории Северного Прикаспия в северную пустыню. Резкое сокращение «кормовой базы» вызывает отток проживавшего здесь мезолитического населения сероглазовской культуры на север. Так, следы проникновения сероглазовского населения в конце бореального – начале атлантического периодов удается проследить на Средней Волге, Дону, Посурье [7, с. 40-42]. Нельзя исключить, что часть сероглазовских племен из зоны экологической катастрофы отходит и на юг, в предгорья Северного Кавказа, где, по мнению Х. А. Амирханова, проживало родственное им население [1, с. 203]. В силу чего к началу атлантического периода Северный Прикаспий, скорее всего, представлял собой слабозаселенную или вовсе незаселенную территорию, и осваивать ближневосточную технологию керамического производства здесь было некому. Последующее заселение этой территории начинается только после улучшения климатической обстановки в первой половине атлантического периода. И осуществляется оно со стороны Кавказа, о чем говорят закавказские параллели каиршаковской посуды и сохранившиеся сероглазовские, а вместе с ними и северокавказские традиции, кремневый инвентарь раннеолитических комплексов Северного Прикаспия.

Лесостепное Поволжье и Предуралье в начальную пору неолита занимает население, оставившее памятники с керамикой елшанского типа, отличительной особенностью которой является тонкостенность, острокруглодонность, использование илистой глины с примесью песка, шамота, раковины и органики естественного происхождения, орнаментация сосудов поясками округлых ямок-жемчужин под венчиком и редкими геометризованными композициями из прочерченных линий и единичных наколов. Своеобразие формы, технологии изготовления и орнаментации елшанской посуды указывает на самостоятельный источник получения керамического производства.

И. Б. Васильев и А. А. Выборнов более 20 лет тому назад высказали гипотезу о среднеазиатских истоках елшанской керамики [4, с. 23-25], впоследствии поддержанную В. И. Тимофеевым [20, с. 43] и некоторыми другими исследователями. Версию о восточных корнях елшанской керамической традиции в настоящее время склонен признать и автор статьи, поскольку предпринятый им поиск истоков остродонной керамики в Приазовье не принес сколько-нибудь заметных результатов. Древнейшая неолитическая посуда из нижних слоев многослойного поселения Ракушечный Яр на нижнем Дону имеет плоские днища и, как показывают результаты комплексного изучения керамики, своим происхождением связана с раннеолитическими центрами Анатолии и Ближнего Востока [9, с. 21]. Сходная с елшанской остродонная и профилированная посуда появляется в культурных отложениях Ракушечного Яра заметно позже и не имеет местных прототипов, что указывает на ее пришлый характер [5, с. 263].

Хронология елшанских древностей волго-уральской лесостепи вызывает непрекращающиеся споры. В конце XX века на основании радиоуглеродных дат, полученных по образцам речных раковин из неолитического слоя стоянки Чекалино IV А. Е. Мамоновым, появление керамического производства на территории волго-уральской лесостепи было датировано бореальным периодом. Но проведенный автором этой статьи анализ стратиграфии данного памятника показал, что раковинные скопления, использованные для

радиоуглеродного анализа, скорее всего, были связанными с подстилающими отложениями бореального возраста и не имели прямого отношения к раннеолитическому слою, что привело к удревнению радиоуглеродных дат [Там же, с. 260, 261].

Впоследствии для комплексов елшанского типа в различных лабораториях было сделано еще около 2 десятков радиоуглеродных анализов по керамике и вмещающей их почве. Но и эти даты не способствовали установлению точной хронологии елшанских древностей, продемонстрировав значительный разброс радиоуглеродных дат с амплитудой в 2 тысячи лет.

Особое сомнение вызывает группа «младших» дат, уходящих в V, а часть – в IV тыс. до н.э. Столь кардинальное омоложение раннеолитических древностей волго-уральской лесостепи не находит рационального объяснения, приходя в явное противоречие со всей совокупностью накопленных наукой данных. Керамика и кремь елшанских комплексов обладают архаичным обликом и полностью лишены развитых признаков, свидетельствующих о контакте с племенами накольчатой и гребенчатой керамики развитого и позднего неолита, либо племенами самарской и хвальинской культур энеолитической эпохи, заселяющими Среднее Поволжье в обозначенное время. Отсутствуют и стратиграфические доказательства «молодости» елшанских материалов, залегание которых неоднократно отмечалось в основании культурных горизонтов ниже уровня накольчатой и гребенчатой керамики [16, с. 3-5; 18, с. 17]. Причина появления столь омоложенных дат для елшанских древностей не вполне ясна и требует специального изучения.

Но если отказаться от заведомо ошибочных «старших» и «младших» дат, то период существования остродонной елшанской керамики волго-уральского региона сужается до рамок VI тыс. до н.э., что позволяет синхронизировать начальные этапы раннего неолита волго-уральской лесостепи и степного Поволжья, включая Северный Прикаспий.

Не имея сегодня возможности установить точное начало неолитизации этих регионов из-за разброса значений и спорности радиоуглеродных дат, мы можем приблизительно наметить время контактов этих двух культурных групп. И подсказку в этом вопросе дает все тот же анализ ландшафтно-климатической ситуации в Северном Прикаспии. Наступившее в начале атлантического периода улучшение климатической обстановки сопровождается здесь расширением пригодных для обитания степных пространств за счет «сжимания» пустыни, что неизбежно приводит к сближению зон обитания елшанского и каиршакского населения, ранее разделенных обширной малопригодной для жизни и потому слабо заселенной полосой сухих степей и пустынь. Поскольку пик потепления и увлажнения приходился на отметку в 7200 л.т.н., то и наибольшее сближение двух культурных ареалов, приводящее к появлению между ними контактов, должно датироваться последней четвертью VI тыс. до н.э.

Первая попытка проследить межкультурные контакты между раннеолитическим населением волго-уральской лесостепи и степи была предпринята А. А. Выборновым и И. Б. Васильевым в конце 80-х гг. XX века. В пределах волго-уральской лесостепи ими была выделена группа неорнаментированной раннеолитической керамики, отличающейся от елшанской наличием плоских днищ. В выстроенной схеме развития неолита Среднего Поволжья эта группа была отнесена ко 2 этапу развития елшанской культуры, а ее появление рассматривалось данными исследователями как результат культурного влияния степного населения [4, с. 25]. После 20 лет существования у данной схемы стали обнаруживаться недостатки [6, с. 166]. Внимание обращает странная избирательность контактов, в ходе которых лесостепное население заимствует у степного только форму дна без характерной для каиршакской посуды геометрической орнаментации. Необъяснимым при этом является и утрата поздней елшанской керамики острых днищ и своего декора, кроме ямочно-жемчужного пояса под венчиком.

Появившиеся в последние годы новые данные по радиоуглеродной хронологии плоскодонной елшанской керамики типа Красный городок – Луговое подтверждают высказанные выше сомнения в ее генетической связи с ранним неолитом Северного Прикаспия. Появление такой керамики на Средней Волге по данным радиоуглеродной хронологии происходит не ранее второй четверти V тыс. до н.э. [8, с. 131-132]. К этому времени каиршакская керамика с прочерченно-накольчатой орнаментацией заканчивает свое развитие, и на ее месте формируется накольчатый неолит орловско-варфоломеевского и тентексорского типа. Влияние же расположенной в северной части Нижнего Поволжья орловско-варфоломеевской культуры на лесостепь хорошо прослеживается по появлению керамики виловатовского типа, сочетающей признаки степного и лесостепного неолита [24, с. 153].

При решении проблемы происхождения плоскодонной неорнаментированной посуды типа Красный городок – Луговое III важно учитывать и то обстоятельство, что распространение подобной керамики в раннем неолите не ограничивается Средним Поволжьем, а охватывает более обширную территорию Восточной и Центральной Европы, Греции, Кавказа. Достаточно вспомнить комплексы раннеолитической неорнаментированной керамики на поселении Липецкое озеро в Подонье [19, с. 26, 28], Чохское – в Дагестане [1, с. 128-132], Липенский Вир и Нижняя Браневина – в Карпатском бассейне [22, с. 21, 46, 47], Аргисса, Коринф – в материковой Греции [21, с. 30, 31, 63, 103-105], раннекерамические слои Хаджилара – в Западной Анатолии [Там же, с. 172, 173], Тель Сотто – в Северной Ассирии [2, с. 138-140, 162, 167-171]. Учитывая столь обширную географию распространения комплексов плоскодонной неорнаментированной керамики раннего неолита, ее возникновение никак не может быть результатом взаимодействия лесостепного волго-уральского (елшанский тип) и североприкаспийского неолита (каиршакский тип) и нуждается в другом объяснении.

Изменение взглядов на происхождение комплексов плоскодонной неорнаментированной керамики волго-уральской лесостепи не означает закрытие проблемы взаимодействия этих двух регионов. Внимательное изучение орнамента и формы елшанской керамики выявляет в них ряд черт, которые могут указывать на наличие культурных контактов со степным населением каиршакской культуры. В число этих черт входит

биконичность сосудов и наличие сглаженного ребра на туловище, профилированные горловины и наплывы-утолщения на венчиках, прочерченные орнаментальные фигуры с точечным заполнением (треугольники, зигзаги, ленты и т.д.). Несмотря на то, что названные признаки выражены ослабленно, их присутствие в виде сопряженной группы отмечено во всех основных комплексах елшанского типа [6, с. 161, 162], что снимает возможные обвинения в случайности.

Поиск истоков упомянутых признаков к востоку от Урала не приносит положительных результатов. В ранней кельтеминарской культуре посуда с подобными чертами практически не встречается. Не характерна она и для раннего неолита Северного Причерноморья и Приазовья, откуда названные признаки могли бы попасть к населению волго-уральской лесостепи. Наиболее близким источником получения елшанской керамики этих признаков является каиршакское население Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья. Поскольку перечисленные черты в оформлении елшанской керамики были, в свою очередь, унаследованы каиршакским населением Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья от раннеэнеолитических культур Ближнего Востока, то имеет смысл назвать их «ближневосточными».

Сложнее проследить следы обратного влияния лесостепного населения на степное. Оправданно искать его по северной периферии ареала прочерченно-накольчатой керамики каиршакского типа в виде синкретичных форм глиняной посуды, сочетающей елшанские и каиршакские традиции. А. И. Юдин и А. А. Выборнов обращают внимание на находки отдельных фрагментов тонкостенных сосудов с прочерченной «решеткой» в нижнем слое Варфоломеевки, как на возможные следы присутствия елшанской керамики [8, с. 47; 24, с. 153]. На взгляд автора работы, в разряд синкретичных явлений можно отнести и разветвленные стоянки Кугат IV и Кулагайси, содержащие немногочисленные обломки сосудов с чертами обеих традиций: каиршакской – прочерченные линии с редкими наколами, елшанской – округлодонность, профилированность горловины. Учитывая наличие в степном и лесостепном Поволжье 2-х самостоятельных и хронологически близких линий развития раннеэнеолитической керамики, упомянутая синкретичная посуда не может рассматриваться в качестве исходной для нижеволжского региона, на чем настаивал в своих работах А. А. Выборнов [4, с. 12]. Ее появление, скорее всего, результат смешения елшанской и каиршакской традиций, а не последовательного развития нижеволжского неолита.

Подведем итоги. Выявление комплекса сопряженных «ближневосточных» черт на елшанской посуде свидетельствует о контактах населения волго-уральской лесостепи и степи в начале неолитической эпохи. Это обстоятельство позволяет синхронизировать керамику елшанского и каиршакского типов и предположить сближение ареалов распространения обоих культурных типов во время наибольшего потепления и увлажнения аридной зоны. Исходя из чего появление активных контактов между лесостепным и степным неолитом может датироваться последней четвертью VI тыс. до н.э.

Список литературы

1. **Амирханов Х. А.** Чохское поселение. М.: Наука, 1987. 222 с.
2. **Бадер О. Н.** Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. 334 с.
3. **Белановская Т. Д., Тимофеев В. И.** Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит-энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 14-21.
4. **Васильев И. Б., Выборнов А. А.** Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: КГПИ, 1988. 112 с.
5. **Вискалин А. В.** К вопросу о датировке раннеэнеолитической керамики елшанского типа // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2006. Вып. 6. Т. 1. С. 260-265.
6. **Вискалин А. В.** Культурно-хронологические группы раннего неолита волго-уральской лесостепи // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2009. Вып. 7. С. 159-170.
7. **Вискалин А. В.** Миграционные процессы конца мезолитической эпохи на Средней Волге и в Приуралье // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. I. С. 40-43.
8. **Выборнов А. А.** Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.
9. **Долбунова Е. В., Кулькова М. А., Мазуркевич А. Н.** Результаты комплексного исследования глиняной посуды из слоев 23-14 поселения Ракушечный Яр (по материалам раскопок Т. Д. Белановской) // Неолит Среднего Поволжья в системе культур Евразии: материалы международной научной конференции. Самара: ПГСГА, 2011. С. 18-21.
10. **Иванов И. В., Васильев И. Б.** Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект, 1995. 264 с.
11. **Климанов В. А.** Цикличность и квазипериодичность климатических колебаний в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковая и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 29-33.
12. **Кольцов П. М.** Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: ГЖО «Воскресенье», 2005. 352 с.
13. **Котова Н. С.** Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 258 с.
14. **Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А.** Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 80-99.
15. **Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Сулержицкий Л. Д.** Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тыс. лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СГПУ, 1998. С. 40-65.
16. **Мамонов А. Е.** Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: СГПУ, 1995. С. 3-24.
17. **Мелларт Дж.** Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982. 149 с.
18. **Моргунова Н. Л.** Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПИ, 1995. 223 с.

19. Синюк А. Т., Клоков А. Ю. Древнее поселение Липецкое озеро. Липецк: Липецкое изд-во, 2000. 160 с.
20. Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. К проблеме датировки начала неолита в Восточной Европе // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.: ИИМК РАН, 2004. С. 38-51.
21. Титов В. С. Неолит Греции. М.: Наука, 1969. 256 с.
22. Титов В. С. Неолит Карпатского бассейна. М.: Наука, 1996. 284 с.
23. Хотинский Н. А. Дискуссионные проблемы реконструкции и корреляции палеоклиматов голоцена // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.: Наука, 1989. С. 12-17.
24. Юдин А. И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Саратовский ун-т, 2004. 200 с.
25. Ozdogan M. Northwestern Turkey: Neolithic Cultures in between the Balkans and Anatolia // Neolithic in Turkey. Istanbul, 1999. P. 171-196.
26. Rosenberg M. Hallan Cemi // Neolithic in Turkey. Istanbul, 1999. P. 9-18.

CONTACTS OF FOREST-STEPPE AND STEPPE VOLGA REGION IN EARLY NEOLITHIC AGE

Viskalin Aleksandr Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Ulyanovsk State University
alvisk@mail.ru

Describing the ceramics of the Elshanskaya culture the author reveals the group of traits demonstrating the stability of contacts between the population of the forest-steppe and steppe Volga region and the Northern Caspian region in the early Neolithic age. The analysis of landscape and climatic situation and radiocarbon chronology allows dating these contacts by the last quarter of the VIth century BC. The resulting observations define more exactly the existing ideas on the neolithization of the forest-steppe and steppe Volga region.

Key words and phrases: early Neolithic age; Lower and Middle Volga region; cross-cultural contacts; Elshanskaya and Kairshakskaya cultures.

УДК 165.24

Философские науки

Данная статья посвящена становлению проблемы Другого в философии. Автор анализирует основания возникновения проблемы Другого и контексты формирования данной проблемы в философии. Становление проблемы Другого рассматривается в связи с методологическими изменениями в науке: переходом к неклассической теории познания и утверждением новой методологии социально-гуманитарных наук. Классическая философия рассматривается автором как стадия, предшествующая появлению проблемы Другого. Концептуализация проблемы Другого в философии связывается с проблемами понимания, диалога, коммуникации, социального действия, исследуемыми в разных областях социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова и фразы: Другой; диалог; коммуникация; понимание; познание; субъект; интеракция; неклассическая теория познания; социальная герменевтика.

Галимова Альбина Казимагомедовна

Воронежский государственный университет
snyssmytric@rambler.ru

ИСТОКИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДРУГОГО В ФИЛОСОФИИ[©]

Эпистемологические изменения в науке, связанные, прежде всего, с необходимостью методологического самоопределения социально-гуманитарных наук, привели не только к введению и распространению новых методов познания, но также к возникновению новых предметов познания. Одним из таких предметов, появление которого было обусловлено переходом к неклассической гносеологии, является понятие *Другого*.

В настоящее время Другой является актуальной проблемой философских исследований и рассматривается в контексте различных социальных, политических и культурных явлений и процессов. Однако не менее важным для проведения исследований по проблеме Другого представляется выявить теоретические истоки и причины возникновения данной проблемы в философии.

В поисках истоков возникновения проблемы Другого, безусловно, следует обратиться к классической философии.

В классической философии Другой не концептуализируется как самостоятельная проблема, что определено спецификой классической теории познания: её универсализмом, фундаментализмом и нормативностью. Классическая рациональность предполагает направленность на изучение объекта, а не субъекта. Только в неклассической теории познания предметом изучения становится не конкретный объект, противостоящий